

**ЗАЛОЖНИЦА
МИЛЛИАРДЕРА
АГАТА ЛАВ**

Агата Лав
Заложница миллиардера
Серия «Золушки наших дней»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67484331
А. Лав. Заложница миллиардера:

Аннотация

Я не видела его лица, не знаю, какого Он роста и телосложения. Я слышала только металлический щелчок зажигалки и его холодный приказ:

– Девушка останется в доме.

Меня заперли в его богатом доме, но я не понимаю, чего он хочет. И чего хочу я на самом деле? Вырваться на свободу? Или узнать, кто он и почему живет затворником?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	80
Глава 11	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Агата Лав

Заложница миллиардера

Агата Лав

* * *

Глава 1

– Эй! Есть кто-нибудь?

Никогда не думала, что буду претендовать на чужую собственность. Но сломанная машина и севший телефон сделали выбор за меня.

– Простите?! – кричу громче и обхватываю ручку калитки, которая тут же противно скрипит. – Я не нашла звонка, а...

Вот с кем я сейчас разговариваю?

Со своей совестью?

Но у меня действительно безвыходное положение. Я застряла в самом неудачном месте, вокруг только вечерняя трасса, много природы и вот этот дом. Я с трудом разглядела его, потому что его ловко вписали в пейзаж и как будто специально спрятали от посторонних глаз.

Дом красивый и современный. Неприлично богатый.

Я все же открываю калитку и шагаю по каменной дорожке навстречу коттеджу с огромными панорамными окнами. Свет горит только над верандой, которая выкрашена в темно-серый мрачноватый цвет. Рядом с ней припаркован массивный внедорожник со стальными порогами. Он выглядит агрессивным и тоже нарочито мужским, как и веранда.

– Это хорошо, – я успокаиваю себя логическими умозаключениями. – Мужики разбираются в машинах, а у меня

как раз проблема с моей.

Я захопываю кремовый пиджак на груди и снова проверяю телефон. Чуда не происходит, он мертв. Я едва не роняю его из рук, когда рядом зажигается фонарь с электрическим щелчком. Автоматика срабатывает по цепочке, и через секунду вся дорожка до дома оказывается освещена.

– Прелестно, – цежу.

Я поднимаюсь по ступенькам веранды и коротко оглядываюсь по сторонам. Джинсовая потертая куртка с нашивкой, похожей на герб байкерского клуба, валяется прямо на полу, рядом брошена забитая окурками пепельница и бильярдный шар с цифрой 6.

Всё по-прежнему прелестно.

Я не нахожу звонок и стучу в деревянную дверь. В ней есть вставки из стекла, но с той стороны на меня смотрит непроглядная тьма. Это нервирует, создавая впечатление, что дома никого нет.

А внедорожник?

Да и калитка открыта.

– Кто ты?

Короткий вопрос вышибает весь воздух из моих легких. Грубый стальной голос почти заставляет меня отступить от двери, я в последний момент ловлю шаг и сжимаю кулаки, справляясь с напряжением. Я по-прежнему никого не вижу, дверь приоткрылась всего на пару сантиметров, и силуэт незнакомца не разглядеть. Но у меня сразу складывается

впечатление, что он очень высокий и сильный.

– Я... я... – черт, я начинаю путаться, как школьница. – Простите, что вот так вломилась, но у меня сломалась машина.

Я замолкаю, переводя дыхание. Мужчина молчит, и я вспоминаю, что сказала сотню слов, но не ответила на его вопрос.

– Я Саша... Александра.

Я смелею и заглядываю в щель. Замечаю холодный блеск прямоугольного медальона и, кажется, бородку. И густой аромат мужского одеколona. С кофейными крепкими нотами.

– Жди здесь, – приказывает он.

Раздается непонятный звук, стук чего-то металлического со звонким эхом, после чего дверь захлопывается прямо перед моим носом. У меня немного округляются глаза от уровня гостеприимства, но делать нечего. Я отступаю в сторону и остаюсь ждать на веранде, как велел хозяин.

Он, кстати, не представился.

И он точно огромный дремучий мужик.

Байкерская куртка, дизельный внедорожник, сигареты и бильярд. Весь набор стереотипов собрал и деньги не забыл. Я раньше такие дома только в журналах и сериалах видела. Странно, что здесь нет охраны и прислуги в униформе.

– Александра? – меня окликает женский голос, что раздастся справа. – Я Марина, я помогу вам.

А вот и прислуга.

Женщина, которой на вид около пятидесяти, подходит ко мне и воспитанно улыбается. На ней простое черное платье, которому отчаянно не хватает бейджика с именем и должностью.

– Мне сказали, что у вас сломалась машина. Где-то здесь рядом?

– Прямо на повороте. Я могу показать.

– Лучше завтра утром, сейчас уже темно. Я вызову механиков, и они посмотрят, что там да как.

– Эм... А сейчас нельзя? Мне страшно оставлять машину без присмотра...

– Я уже позвонила, они ее дотащат до гаража.

Она указывает рукой направление, и я понимаю, что меня приглашают в дом. Правда, не в ту дверь, через которую я немного поболтала с угрюмым хозяином, а в другую.

– Там у нас кухня, – подсказывает она. – Может, выпьем чая, пока парни будут разбираться с машиной? Они позвонят мне, если им понадобятся ключи или еще что.

– А можно мне зарядить телефон?

– Да, конечно. Пойдемте.

Кухня оказывается огромной столовой. Она сделана с ресторанным размахом, тут и техника на все случаи гастрономического безумия, и зеркальные поверхности, и стильная мебель. Мне даже становится жалко Марину, как представлю, сколько сил надо, чтобы держать всё богатство в чистоте.

И в блеске.

– Что вы пьете? – спрашивает она, как официант.

– Если можно, черный чай. Без сахара.

Марина кивает и проходит к столешнице, где стоит термомпот. Я же осматриваюсь, как в музее. На ум приходит, что это нормальная часть дома, где как раз принимают гостей. Здесь нет пепельниц и не пахнет табаком, да и вся атмосфера легкая и светская, трудно тут представить хозяина, который начинает знакомство с фразы: “Кто ты?”

– Розетки справа, – подсказывает Марина, вспомнив о моей просьбе. – У вас яблоко?

– Да, – киваю.

Старенький, но любимый.

– Я сейчас найду зарядку. – Она бросает взгляд на мой телефон, чтобы проверить модель, и отлучается.

Она задерживается, и я сама разливаю чай по чашкам. Приятный терпкий аромат успокаивает, и внутренняя пружинка чуть разжимается. Я впервые попадаю в столь неприятную ситуацию, я была уверена, что мой седан справится с переездом в другой город, но он решил сломаться четко между островками цивилизации.

– Вот, – Марина возвращается с зарядкой, – должна подойти.

– Спасибо большое. Я вам тоже налила, сахар не бросала.

Я включаю зарядку и медитирую над телефоном, отсчитывая секунды. Хочется побыстрее включить и позвонить бра-

ту. Или хоть кому-то, просто поставить в известность и рассказать, что со мной случилось.

– Вы здесь живете? – Я оборачиваюсь к Марине, пока телефон оживает. – Место нелюдимое, мне повезло, что я заметила забор...

– Я здесь работаю, но можно сказать, что и живу.

– А тот мужчина?

– Я не разговариваю о нем, – отрезает она, впервые выпуская строгие нотки.

Эм.

Это правило такое?

О нем нельзя говорить?

– А имя у него есть?

– Хозяин, – отвечает Марина.

Глава 2

Хозяин.

Я пытаюсь скрыть удивление, а следом и нервную улыбку из разряда: “Вы шутите?” Марина говорит серьезно, по ее строгому лицу и уверенному взгляду становится ясно, что на эти темы она шутить не привыкла.

Впрочем, какая мне разница? Хозяин и хозяин. Его дом – его порядки, мне главное – устранить проблему с машиной и поехать дальше. Я включаю телефон, решив, что небольшого заряда уже должно хватить, и нетерпеливо постукиваю по голубому чехлу.

– У нас тут бывают перебои с сетью, – отзывается Марина. – Вы правильно сказали, место нелюдимое.

– Странный выбор, если честно. Хотя если ваш Хозяин отшельник или затворник, то всё логично.

Марина никак не реагирует, показывая профессиональную выдержку: она не говорит о Хозяине, и точка. Она берет наши чашки и переносит их на большой овальный стол в центре комнаты. Я же проверяю экран сотового, антенка оператора вскоре появляется и показывает две полоски из четырех. Уже что-то.

– Я сообщу брату, а то он начнет беспокоиться. Я обещала ему звонить почаще, пока буду в дороге.

– Хорошо, когда есть кому беспокоиться. – Женщина ки-

вает с вежливой улыбкой.

– Вы не подскажите адрес дома? Я плохо понимаю, как объяснить брату, где застряла.

– Тут нет улицы как таковой, но я сейчас найду...

В этот момент раздается мелодия сотового. Марина достает телефон из кармашка фартука и показывает мне ладонью, что ей придется отвлечься. Я же только сейчас замечаю детали ее внешности. Темные волосы, собранные в высокий пучок, черный фартук, который практически сливается с платьем, аккуратный французский маникюр и правильные черты лица.

Ей бы модельным агентством управлять, а не частным домом.

Я набираю сообщение брату, который, если честно, не особо за меня беспокоится. Ему только исполнилось двадцать, и я, как слишком правильная старшая сестра, в списке его интересов сильно проигрываю тусовкам и покатушкам на мотоциклах. Я быстро обрисовываю ситуацию в сообщении и отправляю ему свои координаты.

Пока Марина кого-то напряженно слушает по телефону, я подхожу к окну и тут же издаю пораженный выдох.

– Это моя машина?

Глупый вопрос.

Я же вижу собственными глазами, как мой старенький седан тащат на буксире. Его затаскивают во двор и поворачивают в сторону – туда, где виднеется дорожка к гаражу из

темно-коричневого кирпича.

Как это вообще возможно? Я каких-то двадцать минут назад проклинала всё на свете и почти смирилась, что помощи мне ждать долго.

– Давайте я отнесу механикам ключи от вашей машины? – Марина протягивает ладонь, отвлекая меня от окна.

Мне неловко от стиля ее общения. Будто я принцесса голубых кровей, которую нужно задушить комфортом. Женщина, видно, привыкла быть в доме в одной роли – прислуги, а меня даже слишком старательные официанты в ресторанах напрягают.

– Марина, я простая девушка, не нужно за мной ухаживать. Я могу сама отнести, мне несложно...

Звонкий хлопок двери заставляет нас синхронно посмотреть на улицу.

Оу.

Механики обошлись без ключей. Высокий мужчина, который больше напоминает бойца элитного военного подразделения, чем механика, распахивает дверь моего седана настежь и дергает ручку, чтобы открыть капот.

– Наверное, не захотели ждать, – Марина пытается сгладить неловкость, замечая мое удивление. – Но вы не волнуйтесь, они разбираются в этих делах и ничего не тронут в салоне.

Я молча киваю, но хочу все-таки пойти проконтролировать. Поправляю наплечную сумочку, выуживаю бесполез-

ные ключи от машины и иду к двери. Замечаю, что кроме ступенек есть покатый спуск. Даже поручень имеется, правда, он наполовину отломан и выглядит так, будто кто-то не знал, куда деть злость, и обрушился на несчастную металлическую трубу. Вырвал с мясом... с болтами то есть.

Странный дом, конечно.

Когда рядом нет Марины с ее любезной улыбкой и мягким голосом, я не могу отмахнуться от мрачноватой атмосферы роскошного особняка. Как в сказке с красавицей и чудовищем, которую я очень любила в детстве.

Я аккуратно переступаю через помятый поручень. Замечаю, что к нему прикатился тот бильярдный шар с цифрой 6, и подбираю его с пола. Кручу в руках, будто жду, что он сейчас оживет и запоеет красивую песню из мультика.

– Ничего не трогай в моем доме.

Низкий голос Хозяина приходит со спины.

Я узнаю его с первого звука, тяжелого и потрескивающего льдами. Я не пугливая, поэтому не вздрагиваю, но интуитивно все равно хочется сжаться. Мне не по себе от его голоса и грубой манеры разговаривать, а еще оттого, что меня угораздило стать его гостьей. Именно его, нелюдимого и странного. Тут явно не рады посторонним, я шестым чувством ощущаю, хотя Марина и пытается сгладить впечатление, как может.

– Простите, – шепчу себе под нос.

Я опускаю бильярдный шар на то место, откуда его взяла,

и оборачиваюсь к мужчине. Немного теряюсь, потому что решила, что он стоит за моей спиной, а там оказывается пусто.

– Я хотела пройти к гаражу и посмотреть, что с моей машиной, – произношу первое, что приходит на ум.

От молчания неловко, я чувствую его тяжелый взгляд на себе и начинаю нервничать. Тем более я вся на виду – стою под ярким освещением веранды, а Хозяин сидит за рулем внедорожника. Я толком не вижу его, различаю лишь очертания массивного силуэта в джинсовой рубашке. Хотя, может, и не джинсовая, а обычная. Могу ручаться только за то, что у него очень сильные руки. Он выставил локоть в окно, и я замечаю налитые от напряжения мускулы и черную татуировку.

– Ты понимаешь в машинах? – спрашивает он.

– Нет...

– И что ты тогда собралась там смотреть?

У него золотая олимпийская медаль по грубости.

– Я собиралась поговорить с механиками. Они открыли мою машину без ключа, и меня это немного беспокоит.

Да что у меня с голосом? Дрожит и спотыкается. Или это как раз голос разума? Ругаться с незнакомым мужиком, пока находишься в его доме посреди надвигающейся ночи, – точно не лучшая затея.

– Если они сломали замок, они его починят.

– А можно ничего не ломать?

Вырвалось.

– Иди в дом, – произносит мужчина приказным тоном. – Твоя машина будет готова завтра утром.

Он заводит мотор, мощный рык которого звучит как точка в нашем разговоре. Мужчина разворачивает внедорожник, освещая фарами ухоженную лужайку, но держится темной стороны. словно специально делает маневр так, чтобы не попасть под рассеянный свет, который крадется с веранды.

Такой стеснительный?

Или известный?

Или в розыске у полиции?

– Подождите! – повышаю голос и поворачиваю к ступенькам, чтобы спуститься к мужчине. – Завтра утром? А быстрее никак?

– Спешешь на ночную трассу? – он усмехается. – Я бы взглянул на идиота, который вообще отпустил тебя одну в дорогу на этой рухляди.

– Я сама себя отпустила. И моя машина не рухлядь!

– Мы уже выяснили, что ты не понимаешь в машинах.

Я шумно выдыхаю от злости. Он говорит с холодком и в то же время грубовато подтрунивает, забравшись на ступеньку невыносимого мужского превосходства. Я буквально кожей чувствую, что он считает меня маленькой несмышленной девочкой, от которой надо подальше убрать спички, чтобы она не спалила весь дом.

– Мне не нужна ваша помощь, – мотаю головой как за-

веденная. – Большое спасибо, что дали зарядить телефон, дальше я сама. Вызову помощь и не буду напрягать вас до утра...

– Нет, – он отрезает. – Мне не нужны здесь чужие, ни так-си, ни эвакуаторы.

– Что?

– Александра, идите спать.

От его неожиданного “вы” становится только хуже. Он же издевается, передразнивая меня! Мне всегда казалось, что я спокойная и рассудительная, но он топчется по моему слабому месту. Я ненавижу, когда мной командуют, и когда смотрят как на блондинку тоже.

Я спускаюсь с последней ступеньки и делаю шаг к машине, хочу взглянуть в его лицо наконец-то. Мне чертовски надоело общаться с темнотой, откуда сыпятся то грубости, то колкости.

– Дверь в другой стороне, – произносит он так, что мне мерещится угроза в его стальном голосе.

Мне лучше остановиться. Интуиция сходит с ума, и я чувствую душный прилив, меня прорезает то ли страхом, то ли предчувствием плохого, но мое упрямство сильнее. Я делаю еще шаг к нему навстречу, и в этот момент снова срабатывает датчик освещения. Яркая волна заставляет прикрыть глаза, я замираю и слышу, как тяжелая машина срывается с места. С пробуксовкой и злым рычанием спортивного мотора.

Когда я открываю глаза, в воздухе стоит пыль. Внедорож-

ника нет, как и Хозяина.

Глава 3

Я на пару мгновений теряюсь и стою, как идиотка, на последней ступеньке веранды. Меня душит возмущение вместе со злым удивлением, я прежде не общалась с подобными людьми, это настоящая пытка – обмениваться с ним фразами. Я знаю его всего ничего, но уже отчаянно хочу больше не знать ни минуты. Даже ночевать на трассе уже не так страшно. Лучше бы сидела в машине и ждала случайного и сердобольного водителя, который не бросил бы девушку в беде.

И не хамил бы.

И не отправлял спать в приказном тоне.

– Надо выбирать, – бросаю сама себе, разворачиваясь к гаражу.

Подхожу к мужчинам, которые заняты моим седаном, и без всякого удовольствия замечаю, что их целых три штуки. Высокие, крепкие и накачанные. Уверена, на одном из этажей особняка есть профессиональный спортзал, чтобы поддерживать их идеальную форму. И ни черта они не механики, один из них вообще стоит в черном пиджаке. Такой пиджак можно найти в гардеробе любого охранника.

– Да? – отзывается тот, что повыше, и выходит вперед, встречаясь со мной глазами. – Ваша машина?

– Да, – киваю, – но я бы хотела вызвать эвакуатор и уехать. Не знаете, тут есть поблизости мастерские?

Я тянусь к сумочке, но вспоминаю, что оставила телефон на зарядке в доме. Мужчина тем временем меняется в лице, он явно не ждал, что я подойду с подобным вопросом.

– Поздно уже, проблематично будет вызвать. – Он на мгновение отворачивается и делает то ли кивок, то ли еще какой знак другому парню. – Да и мы сами справимся, починим...

– Я бы все равно попробовала. Дадите номер?

– А Хозяин разрешил?

– Мм?

Что значит разрешил? Я не произношу это вслух, но негодование вспыхивает в моих глазах. Как в параллельный мир попала, где о каждом чихе надо отчитываться Хозяину, не произносить его имя, а еще желательно почтительно склонять голову каждый раз, когда упоминаешь Его Светлость.

– Он мне не хозяин, – качаю головой.

Я подхожу к своему старенькому седану и закрываю распахнутую дверцу, потом огибаю машину и убираю раскладку с инструментами, чтобы захлопнуть капот.

– Она не заведется с ключа, – бросает охранник.

Он кивает на связку с брелоком, которую я достала из сумки, и без единой эмоции провожает меня взглядом. Я заглядываю через водительскую дверцу и вижу прекрасную картину. Они, считай, угнали мою машину! Я видела в фильмах, как вырывают провода под рулем и скручивают их вместе, чтобы завести мотор. С моей машиной поступили так

же, выбрав совершенно варварский способ.

– Это, по-вашему, нормально? – Я указываю ладонью на следы их вандализма. – Почему нельзя было попросить ключ? Это же...

Я замолкаю. Сердце и так учащенно бьется, меня начинает нервировать и откровенно пугать складывающаяся ситуация. И с каждой минутой становится хуже, мне не нравится, как переглядываются мужчины, как широки они в плечах и как сильно успело стемнеть.

– Мы всего лишь хотели помочь, – бросает мужчина, он понижает голос, чтобы звучать хоть чуточку миролюбиво, но у него это не выходит. – И мы всё исправим, как новенькая будет...

Он меня забалтывает, я же вижу, как другой мужчина потянулся за телефоном и ответил на звонок. Я бросаю на него короткий взгляд и замечаю, как напрягаются его скулы. Он слушает кого-то на том конце и непроизвольно кивает.

– Ладно, поищу сама. – Я пячусь от них подальше. – Не ломайте больше ничего, пожалуйста.

Я тоже стараюсь звучать миролюбиво, а в мозгу одна мысль – добраться до телефона и найти кому подать сигнал SOS. Я резко разворачиваюсь и направляюсь обратно в дом. К счастью, меня никто не останавливает, хотя я слышу, как мужчины обмениваются неразличимыми фразами, когда я отдаляюсь от них.

– Марина? – зову домработницу, переступая порог столо-

вой. – Вы тут?

Комната пуста, что даже хорошо. Я пересекаю ее по диагонали, устремляясь к нужной розетке.

Черт!

Боже, нет...

Моего телефона нет.

Я зачем-то дергаю шнур зарядки, который остался на месте и подсказывает, что я не сошла с ума. Я действительно заряжала здесь телефон и его действительно забрали!

За спиной хлопает дверь. Я оборачиваюсь, надеясь получить объяснения у Марины, но в комнату входит тот механик-охранник в черном пиджаке.

– Что? – спрашиваю у него с нервной интонацией. – Только не надо ко мне подходить...

– Марина показала вам спальню?

– Какая еще спальня? Я хочу уехать.

– Я должен вас проводить, у меня приказ.

Как со стенкой.

– Приказ? Вы с ума сошли?

– Хозяин сказал, что вы останетесь в доме. Это не обсуждается.

Я не верю в то, что слышу. Не может быть... Как вообще всё так закрутилось? Я же искала помощи, а не проблемы. Я сдвигаюсь в сторону, поближе к другой двери, и не отрываю напряженного взгляда от мужчины. Он хмурится и всем видом показывает, что я создаю проблемы на пустом месте.

А еще он приближается.

Осторожно и плавно, стараясь не спугнуть меня.

– Что вам нужно? – сжимаю кулаки до боли и из последних сил сохраняю ровный тон, истерикой тут точно не поможешь. – Машина? Деньги?

Это глупо, конечно, я же вижу, в какой роскошный дом попала. Здесь точно никто не испытывает нужды в деньгах.

– Забирайте, только дайте мне уйти.

Мужчина молчит. Он надвигается и отводит левую руку в сторону, показывая, что видит, на какую дверь я нацелилась. От его жеста становится тесно в груди. Огромная столовая вдруг становится тесной, здесь негде скрыться от него и невозможно ничего поделать с тем, что он вот-вот подойдет вплотную.

Я издаю смазанный крик, который больше напоминает стон, когда он дотрагивается до меня. Взмахиваю руками, но у него не тело, а металлический слепок. Он просто-напросто отрывает меня от пола и не обращает никакого внимания на мои корявые выпады. А я бьюсь, лихорадочно и бесцельно, сбивая дыхание к черту и не понимая, куда меня несут.

– Нет! – я повторяю одно слово на повторе несколько раз.

Хлопает дверь, и слышатся еще одни шаги, похожие на женские. Я ничего толком не вижу, охранник ловко, зная свое гнусное дело, обхватил меня. Как канатами связал. Но больно не делает, он даже в каком-то смысле деликатен, несет меня как хрустальную вазу, хотя я пару раз изверну-

лась и приложила его локтем от всей души.

Раздается металлический щелчок, и я понимаю, что мы выходим в кабинку лифта. Конечно, почему бы не построить лифт в собственном доме! И почему бы не запереть случайную девушку в одной из спален! Их же тут сотня, не меньше, чего им стоять пустыми?!

Я мысленно завожусь от безысходности, но затихаю, устав биться о мускулы огромного охранника. И улавливаю тонкий аромат духов, в компактной кабине лифта от него невозможно отвлечься.

– Марина? – зову глухо, пытаюсь повернуть голову хоть куда-то, но лишь бы не смотреть в плечо мужчины. – Это же вы?

Лифт останавливается, и мы выходим. Мужчина тормозит на мгновение, словно ждет указки, куда нести меня. Потом глухие шаги по застреленному дорожкой коридору и щелчок дверного замка. Меня наконец опускают на пол, после чего охранник тут же отходит в сторону.

– Можешь идти, – распоряжается Марина, которая стоит у входа.

– Я буду за дверью. – Охранник кивает и уходит.

Вокруг действительно спальня. В кофейных тонах и с красивой светлой мебелью, очень просторно, и пахнет чем-то сладковатым, но не как на кухне, когда печешь пирог, а как в парфюмерных бутиках. Мой взгляд упирается в длинную полку на противоположной стене, она заставлена свечами

разной формы, и, видимо, именно оттуда приходит аромат.

– Тут есть ванная комната, – Марина говорит прежним любезным тоном, словно ничего не поменялось с нашей первой встречи. – И большой балкон. Я, правда, не уверена, что его не закроют... Особенно на первое время.

– Я не хочу оставаться здесь. – Я на эмоциях качаю головой и делаю резкий шаг к Марине, которая по-прежнему стоит у входной двери.

Она выставляет ладонь, жестом прося меня остановиться.

– Вам придется, Александра. Послушайте меня...

– Да нет! Я не хочу ничего слушать! Я хочу домой! И хочу назад свой телефон!

– Я понимаю ваше состояние, – она сохраняет лицо и гнет свое, хотя по глазам видно, что ей неловко, она все-таки нервничает из-за всей ситуации и, видимо, тоже впервые попадает в нее. – Саша, вы уедете отсюда, я не могу давать сроков, но с вами не случится ничего плохого. Он не такой человек... Он успокоится и отпустит вас.

– Хозяин? – Я нервно улыбаюсь. – Вы же о нем? В этом доме всё крутится вокруг него.

– Да, это его дом.

– Но я не его игрушка. Меня нельзя запирать.

– Он своеобразный человек...

– Боже! – Я закрываю лицо ладонями и качаю головой так, словно хочу разогнать дикий мираж, в который превратилась моя жизнь. – Это какой-то сон, дурной сон.

– Он долго живет в глуши, – Марина продолжает говорить, хотя с трудом подбирает слова и как будто уже испытывает вину передо мной. – Он бывает резким и отвык от новых людей, вообще от обычного общения...

– Я с радостью уеду, чтобы не портить его привычку.

Марина устало прикрывает глаза. Мы недолго молчим, и в этой тишине оказывается больше доводов. Я понимаю, что она не может ничего поделать, она даже толком объяснить не может. Я вижу, что она хочет успокоить меня, что-то рассказав о Хозяине, но сама же останавливается.

– Вы сказали, что ему нужно успокоиться, – я первой нарушаю молчание. – После чего? Что вообще случилось? Я разозлила его?

– Вы увидели его лицо.

– Что?

– Когда зажглось освещение, вы стояли рядом с машиной и разговаривали с ним.

Глава 4

Я пытаюсь убедить Марину, что ничего не видела, что свет ослепил меня и у меня не было ни шанса разглядеть, кто передо мной. Я действительно ничего не видела, мужчина как был таинственным незнакомцем, так и остался.

– Я зажмурилась и только и услышала, как его машина сорвалась с места.

Марина поджимает губы и смотрит с сомнением, но потом пару раз кивает и обещает донести это до Хозяина. Попытаться, во всяком случае.

– Вам стоит отдохнуть, – бросает она, кладя ладонь на дверную ручку. – Завтра будет новый день. Посмотрим, что можно сделать.

Она поспешно уходит, словно боится, что я все-таки заплачу или кинусь на отчаянный штурм. Но я молча наблюдаю, как захлопывается дверь и щелкает замок. Мне почему-то кажется, что охранник остается дежурить под дверью и еще вернется в комнату. Балкон-то остался открыт.

Я иду к нему, пока есть доступ, и распахиваю высокую дверь с тонированным стеклом.

Ох.

Балкон огромный, ему больше подходит определение “терраса”, которую украшает плетеная мебель и качели с голубыми подушками. Борт сделан из закаленного стекла, из-

за чего к краю страшно вато подходить. Да и высоко. Я думала, мы на втором этаже, но нет, это третий. Меня заперли на самом верху, обеспечив сногшибательным видом и не оставив надежды как-нибудь спуститься.

Я опускаю взгляд вниз и замечаю квадратный внедорожник, который стоит напротив веранды с потушенными фарами. Хозяин вернулся? Он тоже сейчас в доме? Мне становится не по себе от одной мысли, что этот странный мужчина находится совсем близко. Мы с ним под одной крышей, и я вынуждена подчиняться его бредовым приказам, ведь он сильнее, богаче и не боится нарушать закон. А что еще? Через какую черту он готов переступить с той же легкостью?

Я возвращаюсь в комнату и бесцельно обхожу ее по кругу, по привычке думаю о душе перед сном, но я не готова раздеваться в незнакомом доме. Лучше в одежде забраться в кровать, укрыться с головой и действительно попробовать заснуть. Хотя бы несколько часов отдыха, тогда завтра я буду отдохнувшей и смогу лучше соображать. Может, и придумаю выход.

Или мне удастся поговорить с Хозяином.

Я забираюсь в кровать, которая оказывается воздушной, как в лучших отелях, и произвольно вбираю приятный аромат кондиционера. Марина прекрасно знает свою работу, в доме доведена до идеала каждая мелочь. И само место удивительное. Лесная тишина окутывает, отдаваясь шорохами высоких деревьев и заодно успокаивая мою нервную систе-

му. Мне мерещится, что где-то трещит камин, и монотонный звук постепенно усыпляет меня.

– Саша.

Я резко открываю глаза и рывком усаживаюсь в кровати.

– Я принесла завтрак, – произносит Марина, указывая на позолоченный поднос. – Тут несколько блюд, я не знала, что вы любите. А еще чай и кофе. Вот сливки.

Она обводит ладонью маленький кувшин с красивой рельефной ручкой. Вся посуда смотрится как раритет, который достали из-под стекла и каждый предмет которого застрахован на сумасшедшую сумму.

– Как спали? – спрашивает Марина услужливым тоном, после чего проходит к окну и поправляет шторы, которые я откинула в сторону, когда выходила на балкон.

Она придает им художественный вид, как с обложки дизайнерского журнала. Открывает окно, впуская свежий воздух, и снова оборачивается ко мне.

– Если вы такое не едите, я могу приготовить, что закажете, – спохватывается она, заметив, что я не притрагиваюсь к тарелкам. – У меня отлично получается итальянская кухня...

– Нет, всё хорошо. – Я откидываю одеяло и спускаю ноги на прикроватный коврик. – Мне неловко, Марина, вы опять ведете себя как служанка.

– Это моя работа, – она мягко улыбается, – а вы гостья, так что всё логично.

– Гостья? Теперь это так называется?

Марина ничего не отвечает и проходит к креслу, на котором я замечаю синюю сумочку. Женщина подцепляет ее за ручку и ставит на комод рядом со мной.

– Здесь косметика и пижама, – сообщает она. – Я подумала, вам могут понадобиться всякие женские мелочи.

– Это ваше?

– Да, но оно всё новое. Я люблю запасаться.

Она легонько улыбается, но у меня нет сил ответить ей тем же.

– Вы говорили с ним? – я задаю главный и единственный вопрос, который волнует меня.

– Да. – Она тяжело выдыхает и переводит взгляд на свои ладони.

– И? Что он сказал?

Я поднимаюсь на ноги и подхожу к Марине. Она мнется и подбирает слова, а мне бы услышать ответ поскорее. Я уже готова встряхнуть ее как следует, когда она все же поднимает на меня глаза и произносит:

– Я сказала ему, что вы ничего не разобрали из-за яркого света. Не увидели его лица.

Я киваю, чтобы она продолжала.

– Он только кивнул. Принял к сведению.

– И ничего не ответил?

– Нет, – Марина качает головой, – он вообще редко говорит.

– Да не сказала бы, – я вспыхиваю на эмоциях. – Что я тупица, он донес красноречиво!

Я слепым шагом направляюсь в центр комнаты, кручусь туда-сюда, чтобы хоть куда-то деть злость и душное чувство беспомощности, которое крадется прямым в сердце. У меня подрагивают пальцы, приходится собрать их в замок на груди, но это нисколько не помогает успокоиться. Я только сейчас признаюсь, что подспудно убедила себя, что утром кошмар закончится. Нужно только вытерпеть одну ночь, а там недоразумение разрешится и меня отпустят на все четыре стороны.

Но всё не так.

Я проснулась, а дурной сон не закончился.

– Нужно еще время, – Марина “включает” вчерашнюю пластинку ласковым голосом. – Вы пока составьте список вещей, которые вам понадобятся. Я закажу, и уже к вечеру всё привезут.

– Ох, какая щедрость! – Меня передергивает от ее предложения. – Что угодно можно просить? Или есть бюджет?

– Нет, бюджета нет.

– Как неосмотрительно. Сейчас, подождите, у меня есть список в телефоне, давно составила на такой случай. – Я провожу пальцами по измятому пиджаку. – Хотя стоп. У меня же его украли.

– Его не украли, а временно убрали.

– Марина, вам бы в суде работать!

Я вскидываю руки, но Марина никак не реагирует. Я вообще впервые вижу такую выдержку и преданность одновременно, не работник, а мечта. У нее даже голос меняется, когда она заговаривает о Хозяине, появляется пронзительная интонация, которая как раз раздражает меня. Она как будто оправдывает его!

– Я хочу телефон, машину и открытые ворота. Вот мой список.

– Это невозможно.

– Значит, это похищение, а ваш Хозяин преступник. Вы понимаете, на кого работаете? Вы же можете позвонить в полицию и помочь мне. Я не поверю, что у вас тоже забрали телефон.

Марина опускает глаза в пол.

– Я не могу, – бросает он слабым голосом.

– Почему? Я прошу у вас помощи, Марина, я же вижу, что вам тошно от всей этой ситуации. Вы прячете глаза и пытаетесь сгладить углы. – Я подхожу к ней ближе, но женщина сторонится. – Помогите мне, сообщите хотя бы моим родным, они будут беспокоиться и сходить с ума...

– Нет, – она выпаливает, бросая на меня острый взгляд. – Он хороший человек, я не могу с ним так.

Он.

Хороший.

Человек.

– Дверь будет открыта, – Марина продолжает официаль-

ным тоном, – вас никто больше не будет запирать. Весь дом, кроме второго этажа, и участок в вашем распоряжении.

Она уходит, оставляя меня наедине с завтраком. Дверь и правда остается открытой, но я же знаю, что здесь полно охраны. И видеокамеры, скорее всего, имеются.

– Кроме второго этажа, – повторяю задумчиво. – Хозяин живет там?

Я подцепляю аккуратный чайничек и наливаю себе чай, выбираю круассан из всего многообразия и заставляю себя поесть. Чувство аппетита приходит постепенно, а вот мысли не хотят успокаиваться. Я пытаюсь придумать, что делать дальше и как себя правильно вести.

Всё очень странно... Ко мне хорошо относятся, если не считать такую малость, как тюремное положение, приставили личную служанку и даже разрешили прогуляться дальше одной комнаты. Мне трудно представить размер участка, но если вспомнить неприличный размах особняка, то можно заранее поразиться. Не удивлюсь, если тут есть теннисный корт и личный лес.

Но меня тянет в другое место.

Я умываюсь после завтрака и с опаской выглядываю в коридор, заранее захватив пустой чайник. Коридор оказывается пуст, а ковровая дорожка указывает направление к лифту. Я иду к нему, минуя лестницу, на ступеньках которой дежурит охранник. Он отводит глаза, словно у него приказ не смущать меня, и спускается на пару ступенек ниже.

Так-то лучше.

Я вызываю лифт, молясь, чтобы в нем не оказалось еще одного охранника или вовсе швейцара. Когда раздается металлический щелчок, я захожу в кабину и нажимаю цифру 2.

Глава 5

Нажимаю снова, но лифт отказывается слушаться. Ну конечно, так просто на хозяйский этаж не попасть! У сумасшедших затворников всё продумано!

– Чтоб тебя, – шепчу со злостью и бесцельно провожу пальцами по панели с кнопками.

Вот что делать? Что придумать? Я не хочу сдаваться и примерять роль послушной заложницы. Сказали ходить по указанным этажам, а я, значит, рада стараться? Нет, ничего подобного. Не нужны мне круассаны с брусничным джемом в постель и исполненный список желаний к вечеру.

Пусть других одаривает, меня не надо, я как-то не мечтала оказаться в роскошном замке на правах комнатной собачки, которой можно указывать место и радовать новым помпончиком на ошейник. Наш нелюдимый Хозяин так себе это представляет? Я радостно захолопаю в ладоши и променяю свободу на возможность попросить... что, кстати, попросить? Что вообще просят у богатых мужчин с душевными проблемами и сбитой программой социального поведения?

Сумку, за которой очередь тянется на полгода?

– Сам ее носи, – шиплю. – Можно сразу на голове. И статусно, и лица никто не увидит.

Пальцы сами соскальзывают ниже, и я замечаю отверстие

для ключа под кнопками. Весь металл вокруг замочной скважины исцарапан, подсказывая, что ею часто и неаккуратно пользовались. Это точно не Марина. Интересно, а у нее есть доступ на второй этаж?

Я трогаю кнопку 1, но отсчитываю пару секунд и зажимаю кнопку STOP, которая светится красным ободком. Лифт плавно тормозит и включает предательский звоночек, который зачем-то сообщает всем вокруг о моем “гениальном” плане. Но поворачивать поздно, я кладу ладони на створки и пытаюсь найти точку, куда лучше всего приложить силу. Раздвинуть их и прикинуть место, на котором остановился лифт. Вдруг повезло и я угадала с моментом?

– Что ты делаешь?

Я подсакиваю на месте, когда в кабинке раздается холодный мужской голос. Я оборачиваюсь, прижимаясь спиной к створкам, и оглядываюсь по сторонам.

– Выше, – Хозяин подсказывает.

И не врет.

Под потолочным ободком можно разглядеть маленькую камеру, а звук идет из динамика над панелью с кнопками.

– Так что ты делаешь, Александра?

– Пытаюсь выйти на втором этаже.

– Для этого нужен ключ.

– Я догадалась, спасибо. – Смахиваю выбившиеся прядки и отворачиваюсь от камеры.

Какой смысл смотреть в нее, если я все равно не вижу его.

Он контролирует всё в доме и вновь разглядывает меня, когда я могу лишь слышать его грубый голос.

– Вы не отпустите меня? Вы же понимаете, что я не хочу находиться здесь, и это никак не исправить...

– Не хочешь?

– Что? Конечно, нет.

– У меня сложилось другое впечатление.

Мужчина замолкает, обдумывая что-то, а я пытаюсь осмыслить его слова. О чем он вообще? Что он напридумывал на мой счет?

В этот момент лифт приходит в движение, но буквально на несколько секунд. Он доходит до правильной точки, и с характерным звуком раскрываются стальные дверцы. Я бросаю взгляд на панель, чтобы проверить догадку, и недоверчиво кошусь на комнату, которая предстает передо мной.

На хозяйском этаже нет коридора. Тут планировка пентхауса, когда из лифта попадаешь в просторную гостиную. Она разбегается во все стороны и кажется полупустой, мебели слишком мало даже для лаконичного дизайна, а вот солнечного света в достатке. Панорамные окна занимают всю противоположную стену, и на них нет ни штор, ни занавесок.

Я перешагиваю порог кабинки и вхожу на второй этаж. Сердце на мгновение решает, что оно бьется в груди итальянки, и выстукивает что-то страстное и буйное.

Тише, Саша, тише.

Сама же хотела попасть сюда и поговорить с ним.

По-человечески.

Вот с ним же можно поговорить по-человечески?

Я снова оглядываюсь по сторонам, проходя в центр. Замечаю новые детали, как беговая дорожка и разбросанные брендовые пакеты. Стеклянные полки с какими-то кубками. Или это вазы? Современное искусство, в котором я не понимаю? Вот бильярдный стол я сразу узнаю, а еще бандажные бинты, что лежат на угловом диване.

Ничего ужасного пока.

Ни оружия, ни разных вызывающих вещей.

Я слышу щелчок, что доносится справа, и оборачиваюсь на звук. Раскрывается дверь, и мое внимание сразу привлекает огонек сигареты. Красно-оранжевый круг танцует в темноте, в которую погружена другая комната, и указывает направление для взгляда. Я была права, когда решила, что он высокий.

Он делает глубокую затяжку, и огонек уплывает в сторону. Превращается в пепел, который падает на пол.

– Мы поговорим так, – бросает мужчина.

Я не вижу его, но отчетливо чувствую, как в комнате меняется настроение. Будто появление Хозяина приглушает освещение, тяжелая энергетика пронизывает каждый сантиметр пространства, и оно перестает быть просторным и залитым светом. Наоборот, мне тесно. Я никак не могу привыкнуть к острым ощущениям, которые приходят ко мне каждый раз, когда я оказываюсь под взглядом незнакомца. Он безотчет-

но пугает меня, и мне приходится уговаривать себя остаться на месте, а не начать пятиться в дальний угол.

Я искала его и хотела поговорить, но наедине с ним во мне просыпается маленькая девочка. Жертва, которую заперли в богом забытом доме и забыли рассказать, для чего она нужна.

Я прикрываю глаза на нервах и делаю только хуже. Так он кажется еще ближе, почти рядом, я улавливаю его размеренное глубокое дыхание и кажусь себе совсем хрупкой и беззащитной. Я настолько запутываюсь, что мне мерещится, что тягучие волны его вдохов и выдохов проходят по моей коже.

Задевают меня и проникают под одежду.

– Ты пришла молчать? – бросает он после затяжки. – Ты же для чего-то нарушила правило и пришла ко мне?

Я вдыхаю горьковатый воздух, который уже напитался табачными нотками, и открываю глаза. Хотя уже не знаю, хочу ли разглядеть его черты в сумраке или нет. Ведь это водораздел, я интуитивно чувствую, что если узнаю, кто он, вернуться назад мне будет намного сложнее.

– Я подумала, что уговорю вас отпустить меня, – говорю как есть.

– Так быстро? Я разочаровал тебя?

– Я не знаю, кто вы.

Он усмехается.

– Не начинай, – он как будто отмахивается от меня, а в его голосе появляется ядовитая злость. – Тут нет идиотов,

мы оба прекрасно понимаем, для чего ты забралась в мою глушь.

– Я... Нет, стоп, послушайте меня...

Я взмахиваю руками, не зная, как еще пробиться. Он умеет выставлять невидимую стену, между нами лишь воздух, а у меня чувство, что гранитный камень. Не достучаться. Никак.

– Ты репетировала это? – Он указывает ладонью на мое потерянное лицо, сбрасывая пепел на пол. – Не верю, крошка. Потренируйся еще, а то ни единой слезинки. Слабовато, я видел концерты круче.

– Я не актриса, но вы доведете меня до слез. Не сомневайтесь, вы на верном пути.

Отворачиваюсь на мгновение, чтобы отдышаться.

Он ужасен.

И непреклонен.

– Ты сама приехала, – отрезает он. – Сама постучалась ко мне в дом.

– Мне всего лишь нужна была помощь!

– И поэтому ты первым делом скинула координаты этого места? – он тоже повышает голос, скрежеща металлом. – Хватит. Ты не первая девочка с красивыми глазами, которая думает, что умнее всех. Мне не двадцать, я не ведусь на стройные ноги и рабочий рот...

Что?!

– Не смейте! Нет!

– Вот гордость отрепетировала на пятерку. Молодец.

Он принимает меня за кого-то другого и поэтому не готов слушать. Плевать ему на мои вопросы и на мою случайность в его судьбе, он уже всё решил и давит катком безграничной силы.

– Сколько вы будете держать меня здесь?

– Мои люди соберут на тебя досье, и я пойму, как заткнуть тебе рот. Ты сможешь уехать, когда я буду уверен, что об этом месте никто не узнает.

– А как же координаты, которые я скинула?

– У меня отличная система охраны, они всё пресекли.

Сигаретный всполох летит на пол. Мужчина бросает окурок, но не тушит его ботинком, оставляя тлеть.

– Сколько сейчас платят за меня? – интересуется он лениво. – Я заплачу больше. Расскажешь, как вышла на дом, и я выпишу чек.

Я молчу.

А что говорить?

Он слышит только себя.

У меня не укладывается в голове, как Марина могла называть его хорошим человеком. Она точно говорила о нем? Передо мной совсем другой человек – заносчивый, грубый и ожесточенный. В каждой интонации его голоса звучит холод, колкий и острый, как стекло.

– Боишься продешевить? – снова усмешка.

– Мне не нужны деньги, я просто хочу домой. Я не знаю,

кто обидел вас и почему вы живете жизнью, которую я никак не могу понять, но я тут ни при чем. Я случайная девушка, меня никто не присылал и не обещал денег. Я не понимаю половину из того, что вы говорите. Только чувствую вашу злость... Вы пугаете меня, – я выдыхаю с нервным отголоском. – Вам интересно, как я нашла ваш дом? Я расскажу бесплатно.

Я продолжаю говорить, пока есть возможность.

– У меня сломалась машина, других людей на трассе не было. Я крутилась на обочине и не знала, что делать, начало темнеть, сотовый сел, а под капотом я действительно ни черта не понимаю. Я прошла к повороту и оступилась, скатилась с обочины и тогда заметила странный отблеск. Это оказалось забором вашего дома.

Я перевожу дыхание и пытаюсь припомнить какие-нибудь детали. Хотя, с другой стороны, это может оказаться лишним. Он же мнительный и недоверчивый, еще решит, что я заранее продумала все мелочи и подготовила легенду, чтобы звучать убедительно.

– Я открыла калитку и подошла к двери дома. Вы открыли мне.

Всё.

Простая и логичная история.

Почему ему сложно поверить в нее?

Я смотрю в темноту, и мне становится неуютно. Кажется, будто наши взгляды встречаются... Вернее, что он смотрит

мне прямо в душу, ловит в свою ловушку, а я даже не могу разглядеть, какого цвета его глаза.

– Вы не верите мне? – задаю прямой вопрос, но отворачиваюсь в сторону.

– Вера – слишком дорогое развлечение. – Он как-то тускло выдыхает, после чего слышится металлический стук.

Я уже слышала такой. Да, точно. Как раз когда он приоткрыл мне дверь в первую встречу и приказал ждать на веранде. Но я не могу понять, что это за звук.

А еще я замечаю, как вдруг изменился его голос. Напитался нечеловеческой усталостью.

– Вам плохо?

– Что?

– Не знаю, я просто... У вас голос стал другим, словно вам больно.

Запоздало прикусываю язык, но это всегда было моей слабостью: когда я нервничаю, я начинаю рассуждать вслух.

– Иди, Александра. Мы закончили.

Я не могу спорить с ним таким. Я же слышу, что что-то случилось, пока я рассказывала, как попала в его дом. Он скрывает и пытается говорить расслабленно, но хриплые выдохи его выдают. Ему точно плохо.

Я резко разворачиваюсь и иду к лифту. Проклинаю свою сердобольность, которая нашла за кого переживать и кому подыгрывать, нажимаю кнопку первого этажа и покидаю хозяйские покои. Только и успеваю вновь услышать тот стран-

ный металлический перестук, который звучит отчетливее и ближе, а потом угадываю фоторамку на стене.

Под стеклом хранится потрепанная журнальная вырезка. Мне не хватает зрения, чтобы разобрать заголовок, но я вижу цифру 6, которая почему-то нарисована красным маркером на опаленной футболке.

Створки лифта закрываются, а через несколько секунд я оказываюсь в холле. Марина выходит встретить меня и зовет в столовую, где готовит обед. Я иду к ней и даже пытаюсь помочь, но мысли далеко, я стараюсь уложить в голове всё, что услышала и увидела на втором этаже. Страх постепенно притупляется, а желание понять этого человека разгорается сильнее.

– Он известный человек, да? – Я накрываю ладонь Марины, заставляя ее отвлечься от нарезки мяса. – Я сейчас поняла, почему он может прятаться. Что-то случилось, и он стал отшельником, но его продолжают осаждать журналисты и детективы. Ну или...

– Что или?

– Или он может быть преступником.

Я закусываю нижнюю губу. Этот вариант мне нравится меньше всего.

– Или вампиром, – Марина вымученно подшучивает.

– Подсказок не будет. – Я киваю за нее. – Вы очень преданы ему, слова лишнего не говорите. Хотя так и должно быть, я уже поняла, что вокруг него только проверенные люди, а

этот дом как крепость. Он очень богат и может позволить себе жить как угодно, хоть сходить с ума с комфортом в четырех стенах.

– Он нагрубил вам?

– Немного. С ним сложно общаться.

– Вы просто новенькая, а он с трудом переносит новых людей.

– Хотите сказать, с вами он добряк?

Я усмехаюсь, не веря в такой расклад. Но Марина смотрит серьезно, она хмурится, словно не может подшучивать на эту тему, и отвечает мне вежливой полуулыбкой.

– Давайте я буду относить ему завтраки по утрам. Или ужины? Может, он тогда быстрее привыкнет ко мне и я тоже смогу назвать его хорошим человеком.

– Это плохая идея.

– Почему же? Уверена, вы не подаете ему поднос в постель, а оставляете в гостиной. Я видела там маленькую кухню с обеденным столом. Ставите на него, да? И уходите, иногда молча, а иногда обмениваетесь с ним парочкой фраз, – я вижу по ее глазам, что угадала. – С этим я справлюсь, Марина.

– Лучше составьте список вещей.

– А в доме есть врач?

Марина щурит глаза, чувствуя подвох в моем вопросе.

– Вы плохо себя чувствуете?

– Значит, есть. Вы можете ничего не рассказывать о Хо-

зяине, я сама разберусь.

Глава 6

Во дворе пахнет хвоей, ветер идет со стороны леса и доносит приятный природный аромат. Я стою на веранде и поглядываю по сторонам, прикидывая, куда стоит пойти. Я уже заметила несколько охранников и черные глазки камер, хозяйственные постройки севернее и закрытый плотной тканью бассейн. Хотя погода позволяет купаться, да и там наверняка предусмотрен подогрев.

– В этом доме никто не веселится, – шепчу себе под нос. – О каком бассейне может быть речь.

Я не стала вновь пытаться Мариину насчет телефона и решила подождать этот день. Пусть люди Хозяина проверят мое досье, мне нечего скрывать, а брат точно не поднимет панику еще пару дней. Мне главное, чтобы он не позвонил маме и не накрутил ее, а с заточением я как-нибудь справлюсь.

– Что-то ищите?

Ко мне подходит охранник, которого я вчера пинала локтем. Он закидывает рацию в карман пиджака и смотрит пронзительным синим взглядом. У него северная грубоватая внешность и сбитый вбок нос. Как печать, что он участвовал в сотне потасовок.

– Я хотела пройтись вокруг дома. Может, покажете мне окрестности?

Он хмурится и выглядит так, словно я попросила пин-код

его банковской карточки.

– Как вас зовут?

– Ког, – бросает он с холодком. – Это сокращение от немецкого имени.

– Ког, – повторяю. – Теперь я слышу ваш акцент, совсем легкий, но есть.

Охранник сдержанно кивает, а через секунду оборачивается на шелест протекторов. Во двор въезжает темно-серый седан представительского класса, которому отчаянно не хватает дипломатических номеров. Он слишком роскошен, чтобы ездить с обычными. Седан делает плавную дугу, направляясь к веранде, охранник бросает: “Принял” – в рацию и кривится, недовольный, что я стою тут и рассматриваю их гостей.

– Я сразу, как смог, – голос раздается прежде, чем мужчина выходит из седана. – Что там? Срыв?

– Тише, – отрезает Ког. – Я оставил ключи от лифта в замке.

Из седана появляется высокий худощавый мужчина. Он замечает меня и напрягается, потом все же кивает в знак приветствия, но не произносит больше ни слова. Молча раскрывает заднюю дверцу, берет с сиденья квадратный чемодан, похожий на медицинский, и скрывается в доме.

– А вот и врач, – произношу вслух очевидное. – Я спрашивала у Марины о нем, я вообще решила, что он постоянно дежурит здесь...

– Проницательная? – охранник усмехается, бросая на меня короткий взгляд. – Я уже пробил тебя, я знаю, что ты тут случайно, поэтому поменьше запоминай. Машина твоя на ходу, починили, как и обещали. Так что доедешь до своего Владимира, скоро отпустят тебя.

Грубиян номер 2.

– Я только за, – отвечаю спокойно.

– Ты бы пошла наверх. Денек посиди в комнате, ничего с тобой не случится. Чего здесь выглядывать? В чужую жизнь лезть.

– Лезут в мою, вообще-то.

На него это не производит никакого впечатления.

– Значит, завтра отдадите ключи от машины и телефон?

– Отдам, когда надо будет, – хрипит Ког.

Он уходит от конкретного ответа. А я схожу с последней ступеньки, слышу за спиной его тяжелый выдох, который звучит угрожающе. Но мне чертовски нужен воздух и хоть иллюзия свободы, в четырех стенах я начну накручивать себя.

Я поворачиваю по тропинке направо и вскоре попадаю на задний двор. Идеально подстриженный газон, множество деревьев, которые то расходятся перед каменными дорожками, то закрывают кронами небосвод. Я оставляю пиджак на лавочке, в нем слишком жарко, и иду вглубь парка.

Перед глазами появляются боксы из серого камня, большие гаражи закрыты на замки, а на пяточке стоят две спор-

тивные иномарки. Первая накрыта специальным чехлом с лейблом спортивного гиганта, а вторая раскурочена в хлам. Бедняжка выглядит так, словно за ее рулем сидел новичок, вся в царапинах и глубоких вмятинах. Я подхожу ближе и замечаю стикер, который приклеен на ее лобовое стекло.

– Прелестно, – произношу, когда читаю на стикере три матерных слова и больше ничего.

– По-хорошему не понимаешь, да?

У меня получается молниеносный разворот. Охранник с немецким именем вновь стоит передо мной, у него ходят желваки, а руки уже тянутся в моем направлении. Он срывает стикер со стекла и грубо сминает его.

– Чего ты здесь вынюхиваешь? – бросает он грубее. – Неприятности ищешь?

– Мне разрешили гулять...

– Как разрешили, так и запретили.

– Ты или Хозяин? – Я собираю руки на груди, чтобы выставить хоть какую-то преграду между своим телом и его каменными мускулами. – Это из-за того, что я поднялась на второй этаж? Я залезла на твою территорию.

Он всего лишь цепной пес.

И он зол.

– Ты думаешь, я шутил, когда тебя домой отправлял?

Он рывком опускает ладони на мои плечи и надавливает с такой силой, что я с судорожным выдохом падаю спиной на седан. Мужчина надвигается сверху и почти рвет мою май-

ку, когда поднимает меня. Я беспомощно проскальзываю по металлической поверхности, теперь вверх, к суровому лицу охранника.

– Хоть слово хоть кому расскажешь о том, что видела здесь, и я приеду к тебе. Ночью, хочешь?

– Хватит...

– А что? Почему нет? Ты залезла в чужое жилье, я тоже залезу.

Он выставляет колено и вбивается им между моих бедер.

– Войду, – добавляет он мне на ухо. – И плевать я хотел, за ты или против. Поняла?

Он встряхивает меня. Переносит ладонь на подбородок и заставляет заглянуть в свои глаза.

– Поняла.

– Я вчера дотащил тебя до спальни и пальцем не тронул. Будь хорошей девочкой, чтобы так и оставалось.

Я нервно сглатываю и пытаюсь хоть как-то закрыться. Он слишком большой и сильный, мне чудится, что, кроме его горячего тела, нет ничего вокруг. А охранник никуда не торопится, вжимает меня сильнее и дает прочувствовать мою беспомощность в ярких красках.

Хотя сам тоже хмурится.

Ему противно?

Вправляет мне мозги самым действенным, на его одноклеточный взгляд, способом, но никакого удовольствия не получает. Скорее, это часть его грязной работенки и он про-

сто-напросто выполняет ее, стиснув зубы.

– Мне больно, – произношу на выдохе. – Я уловила все угрозы и готова вернуться в дом. На правильный этаж.

С ним нет смысла тягаться. Я хочу побыстрее вырваться из его рук, пока у меня не началась истерика. Во мне крепнет убеждение, что никто тут не будет утирать мои слезы, даже ласковый голос Марины не поможет. В этом доме надо выполнять приказы, и пусть они звучат как простые просьбы, не стоит обманываться, иначе сразу познакомишься с темной стороной.

– Хорошая девочка. – Ког кивает и отступает в сторону. – Я отведу тебя.

– Теперь я буду ходить под конвоем?

– Пока не перестанешь огрызаться.

– Тебе ведь тоже не нравится вся эта ситуация. – Я обвожу линию между нашими телами, и та выходит слишком короткой, потому что охранник вновь напирает и готовится подтолкнуть меня в правильном направлении. – Я по твоим глазам вижу. Ты не такой подонок, каким хочешь казаться.

– Иди уже. Знаток глаз, мать ее. – Он сплевывает и все же толкает меня в плечо.

Я поворачиваю и иду куда надо, подстраиваюсь под широкий мужской шаг и молчу целую минуту.

– Ты тоже живешь здесь? – Я оборачиваюсь через плечо и коротко смотрю на охранника, проверяя его реакцию. – Как Марина?

– Ты издеваешься? – Он головой указывает направление для моего взгляда, мужчина хочет, чтобы я смотрела строго перед собой и заткнулась.

Я продолжаю смотреть на него, замешкавшись, и он издает звук, похожий на рык. Догоняет за мгновение и сгребает в охапку, отрывая от земли.

Крик сам срывается с моих губ, расходясь по округе слезливым эхом. Я не ожидала, что спусковой крючок так близко и что я ошиблась на его счет, я яркой вспышкой представляю себе самое плохое и закрываю лицо ладонями. Сковываю себя, чтобы не начать биться и не сделать хуже, я совсем запуталась и не знаю, как лучше себя вести.

Пытаться защититься или показать, что умею быть забитой мышкой?

– Дверь! – командует кому-то охранник, когда ступеньки оказываются позади.

Я вскоре слышу нервный возглас Марины, которая начинает протестовать, но ее оттесняет кто-то из охраны. Ког сворачивает к лифту и прижимает меня к стальным створкам, грубо и на грани насилия, словно хочет вбить в мое тело свое право решать, как и где мне находиться. Я замечаю, что исцарапала мужские ладони до крови. Не знаю, когда поранила его, но свежие бороздки смотрятся так, словно ему досталось от хищной кошки.

– Ког! – выкрикивает другой охранник, когда створки лифта уходят в стороны. – Вызов!

До моего слуха доносится легкая трель, которая расходится по вмиг затихшему дому. Вместо недавних звуков стоит напряженное дыхание, я поднимаю глаза на Кога и наблюдаю, как он срывает телефонную трубку, которая встроена в стену рядом с панелью с кнопками.

– Да, – Ког откашливается перед ответом, он вталкивает меня в кабинку и держит одной рукой, как будто у меня есть шанс куда-то сбежать. – Да. Я не... Понял.

На его жестких губах застывают ругательства, он бросает на меня испепеляющий взгляд, но ладонь разжимает. Следом входит в кабинку, заставляя меня на рефлексах пятиться к стенке, которая оказывается слишком близко. В тесном помещении я плохо контролирую себя и чувствую, как обычная женская паника перед опасным и огромным мужиком закрывает разум.

Ког молча достает из кармана ключ и поворачивает его в замочной скважине.

– Громко кричишь, молодец, – цедит Ког с презрением, после чего нажимает кнопку с цифрой 2 и выходит прочь из лифта.

Я потерянно смотрю, как его силуэт исчезает за металлом, и не могу поверить, что получила передышку, что внезапный и невыносимый кошмар закончился и что жестокий охранник останется внизу, не поведет меня в спальню и не будет давить новыми угрозами.

Я пытаюсь сдержать слезы, но это трудно, со мной впервые

обходились как с вещью, я перепугана и не сразу понимаю, что передо мной второй этаж. Хозяйскую гостиную трудно узнать из-за экранов, которые опущены на окна. В сумраке она кажется другой и отчаянно чужой, я не хочу туда...

Я хочу домой.

Я устала.

И мне страшно. Больно от того, как часто бьется мое сердце. Я сползаю по стенке лифта, не желая никуда идти. Просто закрываю голову руками и утыкаюсь лицом в колени, переживаю бурю самым детским и глупым образом, но на другое нет сил. Я до сих пор чувствую прикосновения сильных мужских пальцев, которые давили и скручивали майку до надрывов, и я до сих пор в чужом в доме, где может произойти что угодно в любой момент.

Боже...

Я всхлипываю и вдруг чувствую, как моих волос касается широкая ладонь.

Глава 7

– Ты кричала?

Хозяин задает вопрос, а по моему телу проходит волна озноба. Я сжимаюсь, понимая, что он совсем рядом, он прикасается ко мне и не думает убирать ладонь. Я ощущаю тепло, которое исходит от сильных пальцев и которое спорит с холодом, пронизывающим его грубый голос насквозь.

– Не надо, – произношу тихо и отклоняюсь. – Зачем я здесь?

На его этаже.

Я уяснила урок и больше не хочу ничего видеть. И его лицо в первую очередь.

– Дрожишь, – коротко замечает мужчина.

Он наконец отнимает ладонь от моих волос, но следом переносит ее на плечи. Тянет...

– Нет! – выкрикиваю судорожно и выставляю ладони, хотя так и не решаюсь дотронуться до его тела.

Ему противиться сложнее, чем Когу. Это что-то иррациональное, но я проигрываю ему, не начиная биться. Интуиция оказывается сильнее разума, я чувствую хищную ауру мужчины, впитываю ее как губка и внутренне смиряюсь с его беспрекословным правом сильного. Замираю перед ним и лишь сильнее зажимаюсь, когда он приподнимает меня.

– Не надо, – повторяю вновь. – Пожалуйста...

Я оказываюсь в его руках и ощущаю то, что не хочу. Мои глаза закрыты, но я все равно “узнаю” его ближе.

Постепенно.

Секунда за секундой.

Через смазанные прикосновения и тяжелые выдохи.

Он рядом. Вплотную. Почти что кожа к коже.

Его тело бугрится каменными мускулами и источает особый запах – морская соль, мужской дух и свежесть грубоватого парфюма. Острое сочетание запоминается с одного вдоха и забивается так глубоко, что мне кажется, что я уже пахну им.

Как этому противостоять? Я слишком маленькая, особенно в его ручищах. Я никак не могу отойти от грубости, которую позволил себе Ког, и остро реагирую на несправедливость наших тел. Мужчина большой, массивный, а я даже ростом обделена. И он не слушает меня, я говорю “нет”, пусть и дрожащим голосом, а ему плевать.

Я касаюсь лбом его рубашки, которая царапает жесткими швами джинсовки, и пытаюсь развернуться, но Хозяин лишь крепче перехватывает мое тело, кладя широкую ладонь на талию и фиксируя на месте. С моих губ срывается слабый стон, и это неожиданно действует на мужчину. Он ослабляет хватку и позволяет мне чуть отодвинуться.

– Не бойся, – бросает хмуро.

Он прекрасно ориентируется в темноте, точные и выверенные шаги, хотя слишком медленные. Ему по-прежнему

больно? Или мне кажется? Он не дает мне времени разобраться и усаживает на кухонный остров, вокруг которого я различаю очертания столовой. Мои глаза тоже привыкают к темноте, я коротко оглядываюсь по сторонам, когда мужчина отступает в сторону, и рисую по памяти остальную мебель. Я была тут при свете, и это выручает, помогает притупить страх, который то и дело накатывает с новой силой.

– Что это?

Я вздрагиваю, когда мужчина возвращается и забирает мою ладонь. Просто-напросто берет ее и уводит в сторону, как будто она принадлежит ему и он может делать с ней всё, что ему взбредет в голову.

– Вода.

В моей руке действительно оказывается стакан с водой. Я провожу пальцами и угадываю грани из стекла, а еще капельки влаги.

– Я не просила. – Я убираю стакан в сторону, но промахиваюсь мимо столешницы, и тот падает на пол.

Черт!

Тонкий звук бьет прямо по нервам, хотя Хозяин никак не реагирует. Я сама жалею, что допустила оплошность, в следующее мгновение. Он делает шаг, и осколки с выматывающим треском крошатся под его ботинками.

– Специально или случайно? – спрашивает он.

– Это имеет значение? Накажете, если специально?

– Нет. Дам другой, если случайно.

В его голосе нет злости. Это должно успокаивать, но я все равно не могу.

– Почему я здесь? Мне же нельзя на ваш этаж.

– Ты кричала.

Он останавливается справа от меня, опершись бедром на столешницу и смотря строго на мое лицо. Я тоже поднимаю глаза и замечаю, что отголоски света падают на его профиль и позволяют разглядеть хоть что-то. У него высокие острые скулы и коротко стриженные волосы, под машинку, как любят спортсмены.

– Но вы не спрашиваете “почему”.

– Я спрошу у Кога.

Я не могу сдержать нервную усмешку. Конечно, он будет разговаривать со своим человеком, я же здесь на правах диковинной зверюшки, какая разница, что я говорю.

– Только у него? Мои слова не имеют значения?

– Ему я доверяю, а тебе нет.

Ах...

Я отталкиваюсь руками, чтобы прыгнуть с острова и уйти подальше от него, недоверчивого и скрытного. Успеваю соскользнуть, но мужчина ловко ловит меня и возвращает на место, как будто куклу ставит на правильную полку.

– Тебя ничего не смущает? – произносит он хрипло и рывком переносит ладонь на мое правое колено. – Хочешь пораниться?

Он запускает пальцы еще ниже, проводя по ткани брюк, и

я сквозь жгучую злость вдруг понимаю, что на мне нет кроссовок. Вернее, одного кроссовка. Правого. Я, видно, потеряла его, когда сопротивлялась Когу, а он тащил меня к дому. Я только сейчас замечаю потерю и затихаю, осознавая, что Хозяин не дал мне спуститься босой на осколки.

– Ког так же довел тебя до слез? Оказался рядом, когда ты вздумала калечиться?

Его издевка почему-то бьет по нутру. Надменный тон с холодной интонацией действует как лавина, она сносит жалкие крупички самообладания, которые я успела собрать. Я вспыхиваю, не веря, что он возвышается надо мной как неприступная скала и потешается над моей слабостью.

– Да, именно так. – Я киваю, как заведенная. – Он так же держал меня на месте и говорил противные вещи. Только чуть хуже.

Я снова чувствую, что вот-вот расплачусь, но не хочу реветь, как идиотка, перед холодным богачом. Я цепляюсь за край столешницы и пытаюсь отползти в другую сторону, хоть куда-нибудь, лишь бы не чувствовать пронзительный сумрачный взгляд незнакомца.

– Хуже? – в его голосе появляется что-то новое, но я не в том состоянии, чтобы разбирать полутона.

Я отмахиваюсь, на что мужчина грубо обхватывает меня под коленками и подтаскивает к себе.

– Что именно? – рычит.

Из него вырывается агрессия, которая опалает меня и дей-

ствует сильнее, чем все грязные угрозы Кога.

– То, что вы сейчас делаете, – я собираю все силы, чтобы не заикаться. – Прямо сейчас.

Я бросаю взгляд между нашими телами. На вызывающую позу, в которую он выкрутил меня и вынудил практически лечь под себя.

Глава 8

Я плохо помню, чем кончился вчерашний день. Просыпаюсь с тяжелой головой в той же спальне, в которой проснулась в прошлый раз, и пытаюсь вспомнить хоть что-то. Как я выбралась из гостиной Хозяина? Как мне удалось выползти из-под его крепкого тяжелого тела?

Кажется, я кричала на него... Говорила со злостью, что они все одичали в огромном доме и не замечают, как переходят грань. Что так не должно быть, что я живой человек, а не игрушка и ни в чем не виновата. Да, точно. Я помню, как произносила эти слова прямо ему в лицо.

Еще я упрямо поправляла майку, связывая разорванные концы. Ткань порвалась, не выдержав второй пары мужских рук за вечер. Я закрывалась как могла, а когда ни черта не получилось, расплакалась по-настоящему, сорвавшись в эмоции.

Дальше провал... Пустота.

Только смазанные детали остались в памяти.

Его джинсовая рубашка, которую он бросил на мои бедра.

Чьи-то шаги сбоку.

Потом появился тот врач из дорогой иномарки и сделал мне укол.

– Черт, – вырывается из груди, я провожу пальцами по рукам, ища место укола.

Меня пугает, что мне что-то вкололи, сделали это без спроса и без знакомства с моей медицинской картой. Хотя, скорее всего, в шприце было успокоительное или снотворное, чтобы я заснула поскорее и перестала истерить. Я точно была не в себе, меня впервые довели до эмоционального срыва, я даже не могу припомнить каждое событие вчерашнего вечера.

Но сейчас мне легче. Я обвожу взглядом спальню и замечаю новые вещи: мне принесли две вазы с чайными розами, которые источают приятный сладковатый запах, четыре торшера, которые поставлены в каждый угол комнаты и были включены всю ночь, и дюжину пакетов, которыми завален угловой диван у окна.

– Какой-то сумасшедший дом, – произношу вслух, не веря, что вижу перед собой гору оранжевых пакетов из главного модного магазина страны.

Их вертолетом сюда, что ли, доставили?

И зачем?

Я не составила список, о котором говорила Марина, но вещи все равно привезли.

– Грубый. Злой. Одичавший. И привыкший решать проблемы деньгами.

Я встаю с кровати и со стоном понимаю, что до сих пор закутана в рубашку Хозяина.

Вот и доброе утро!

Как тут не завестись прямо с утра? Я нетерпеливо срываю

джинсовку с плеч и уже хочу закинуть ее в дальний угол, как замечаю странную вещь. Правая сторона рубашки имеет подкладку из жесткого материала. Весь правый рукав и половинка спины прошиты второй тканью, которая выглядит то ли как корсет, то ли как защита.

Я сжимаю рубашку в руках и не могу понять, почему так. Зачем это вообще нужно? И почему только одна сторона?

– Саша, – Марина зовет меня тихим голосом прежде, чем войти.

– Да, Марина. Можете войти.

Я заранее знаю, что увижу ее виноватый взгляд и поджатые губы. Домработница – островок адекватности в этом доме, она говорит спокойным голосом, смотрит как нормальный человек и, если честно, помогает мне сохранить рассудок.

Она входит с подносом, повторяя ритуал прошлого утра, и выдавливая из себя улыбку.

– Только не спрашивайте, как я спала, – качаю головой, прикрывая глаза на мгновение. – Тем более это был не сон, а забытье. Я помню, что мне сделали укол.

– Мне очень жаль. У вас была истерика, и врач посчитал необходимым... – она сбивается, ведь ей самой становится тошно от своего официального тона. – Саша, Кога накажут.

– Дадут десять розг? – Я не могу подавить усмешку. – Или как тут принято?

– Хозяин разберется. Я не лезу в эти дела, но он не спустит

Кому его ужасную выходку.

– Очень обнадеживающе. – Я перевожу взгляд на рубашку, которую до сих пор держу в руках, и протягиваю ее Марине. – Для чего здесь подкладка?

Марина замирает посреди комнаты, разглядывая вещь в моих ладонях. Она все же ставит поднос на край кровати, после чего подходит ко мне и вытягивает рубашку из моих рук.

– Он отдал вам ее?

– Да. Только сперва порвал мою майку.

Я выворачиваю нужный край и показываю Марине подкладку, хотя по ее глазам отчетливо видно, что для нее это не открытие. Она знает об этой детали, и далеко не первый день.

– У него все такие, – говорит она тише. – Специально шили в одном ателье, я делала заказ у проверенных людей, чтобы никто не узнал. Привезла сразу двадцать штук. Они все джинсовые и трех цветов: черные, синие и темно-серые.

– Марина, вы уходите от ответа.

– Я его сестра, – неожиданно произносит она, вздрагивая от собственного признания.

– Что?

– Родная, – добавляет она.

– Но вы не выглядите как хозяйка. Наоборот, вы держитесь как прислуга.

– По-другому никак, мы даже повздорили с ним из-за это-

го. Он не терпит, когда ему лезут в душу. Поэтому я привыкла держаться отстраненно, почти как чужой человек, только чтобы быть рядом.

Она проводит ладонями по лицу, смахивая сухие слезы.

– Мне так больно за него, – Марина говорит совершенно другим голосом, мягким и грустным. – Я не могу помочь ему, как бы ни пыталась... Он не позволяет, он упрямый и привык быть всегда сильным. Скорее умрет в одиночестве, чем кому-нибудь покажет свою слабость. Даже если не виноват в ней. Он отдалился ото всех после той беды и никуда не выходит. Но он же еще молод, он же... Саша, помогите ему.

– Я?

– Да, вы. – Она снова кивает и сжимает мои пальцы сквозь джинсовую рубашку. – Вы разговаривали с ним, и не один раз. Такого давно не было, это почти чудо.

В зеленых глазах Марины ярко горит надежда. Она смотрит на меня как на единственный шанс для своего брата, держит мои пальцы крепче и боится, что я могу исчезнуть в любой момент, как мираж.

Мне становится неловко, я не понимаю, чего она хочет от меня. Как это помочь ему? Я не доктор, не психолог и не его друг, наоборот, Хозяин записал меня в список возможных врагов и ждет, когда его люди проверят мою биографию. Если он не слушает собственную сестру, то мне точно никак к нему не пробиться.

Да и что мне ему говорить? Я каждый раз теряюсь наедине

с ним, а после порванной майки не хочу испытывать судьбу еще раз.

– Марина, – зову мягким тоном и постепенно вытаскиваю руку из ее захвата. – Как я могу помочь ему? Я даже имени его не знаю. Я ничего о нем не знаю.

– Узнаете. – Она решительно кивает. – Помните, вы хотели отнести ему завтраки вместо меня? – Ее глаза вспыхивают азартом, и она тут же делает полуоборот, словно уже хочет что-то делать, решать, предпринимать. – Это хорошая идея, Саша. Я отказала, испугавшись, но сейчас понимаю, что так будет лучше. Он привыкнет к вам, начнет рассказывать о себе, позволит увидеть свое лицо, ему самому это нужно...

– А мне? Мне это нужно, Марина?

Мой вопрос ставит ее в тупик. Она замирает, перебирая в голове возможные ответы, но ни один из них не подходит. Поэтому она молчит и выцветает на глазах: вспышка оптимизма гаснет и оставляет после себя глухое разочарование. Она выглядит как человек, который на мгновение поверил в чудеса для детей, а потом экспрессом вернулся на взрослую землю.

– Я принесла омлет и овсянку с фруктами, – сообщает она официальным тоном, отходя от меня на шаг. – А также черный кофе и какао. Если нужно что-то другое, я приготовлю.

– Не надо так, Марина. Я же теперь знаю, что вы не домработница.

– Забудьте, я позволила себе слабость и жалею об этом.

Она разворачивается, чтобы уйти, но меня буквально тянет следом. Я касаюсь ее плеча, останавливая, и быстро делаю шаг, чтобы обогнать женщину и заглянуть в лицо.

– Чтоб вас, Марина! – вспыхиваю. – Я же не железная и вижу, как вам плохо! Куда вы уходите? Почему нельзя нормально поговорить? Я благодаря вам только и держусь в этом доме, вы с первой встречи вели себя адекватно и успокаивали меня. Я какого-то черта даже верю вам! Я не хочу, чтобы вы уходили вот так, с обидой или злостью...

Я запинаюсь, теряя мысль, потому что Марина вдруг тянется ко мне и обнимает. словно мы старые подруги, которые повздорили из-за пустяка, но вовремя повернули назад. Мы действительно становимся ближе в это мгновение, я вижу перед собой не прежнюю собранную и строгую домработницу с идеальным гардеробом, кожей и манерами, а сильную женщину, у которой есть слабое место.

Ее брат.

У меня ведь тоже есть брат. Младший несмышленный идиот, от которого так и ждешь звонка из больницы или вовсе из полицейского участка. Я прекрасно понимаю чувства Марины, могу представить и страх за родного человека, и усталость, когда все твои старания тщетны.

– Я боюсь его, Марина. Подспудно... У меня язык заплетается, когда он оказывается передо мной. И еще вокруг вечно темно. Я не вижу его и могу только представлять, как он выглядит, как реагирует на мои слова.

– Он даже мне не показывается при свете. – Марина кивает. – Только врач да парни из охраны видят его.

– Он изуродован?

Марина опускает лицо.

– Саша, я дала ему слово, что ни с кем не буду обсуждать его внешность и прошлое.

Я понимаю, что это тоже ответ. Если есть что скрывать, значит, есть увечья. Из-за чего-то же он предпочитает черные комнаты и специально пошитые рубашки трех цветов?

– Вы уже отнесли ему завтрак? – Я оборачиваюсь через плечо и смотрю на часы на прикроватной тумбе.

– Еще нет. Он поздно ложится и поздно встает. А что?

– А что? – я повторяю ее удивленный тон, в котором вновь разгорается надежда. – Я еще ничего не решила, я только прикидываю возможность...

В дверь стучат, и мы с Мариной вместе оборачиваемся. Марина отзывается на правах хозяйки, после чего из-за двери выглядывает высокий охранник в черной рубашке.

– Хозяин, – произносит он басом.

– Что Хозяин? – Марина делает шаг к двери. – Он зовет меня?

– Нет, он идет сюда. Он хочет увидеть девушку.

Охранник указывает на меня подбородком.

– Сюда? – Марина едва проталкивает звуки сквозь удивление. – То есть в эту спальню?

– Да, он хочет войти.

Глава 9

Марина тут же бросается к окнам. Она едва не сбивает меня с ног и не выбивает из моей ладони чашку с кофе, проделывая молниеносный бросок к шторам. Она захлопывает их с удивительной легкостью, оставляет в комнате сероватый полумрак, к которому я стремительно привыкаю. Еще пара дней, и яркое солнце мне покажется чем-то вызывающим и ужасным.

А Марина? Она уже привыкла?

Интересно, сколько она живет вот так? Ей даже не нужны его распоряжения или просьбы, она сама знает, как нужно, оберегает брата и заботится о нем с удивительной трепетностью. Будь он подонком или избалованным чудаком, разве она вела бы себя так? Родная кровь, конечно, имеет значение, но все-таки ее поведение подсказывает, что он действительно очень дорог ей.

Может, он много сделал для нее и она теперь отдает долг?

– Марина, а у вас есть своя семья?

– Семья? – Она оборачивается, оказавшись не готовой к перемене разговора. – У меня двое взрослых сыновей. Они оба живут в столице, а их отец... мы в разводе уже пять лет.

Ее зрачки на мгновение расширяются, и она прикладывает ладонь к губам. Я не понимаю, что случилось, и оборачиваюсь к двери, но там никого не видно.

– Я не спросила у вас о том же, – произносит Марина. – У вас есть семья? Парень?

Мне становится смешно. Я прикрываю глаза от абсурда ситуации и держу нервный смех в груди, только это трудно. Мне пока далеко до душевного равновесия. Я подхожу к Марине и помогаю ей захлопнуть последнюю штору, которая перекрывает выход на балкон.

– Вы правда собрались сватать меня своему брату? – Я перевожу взгляд на черную ткань и жду, когда глаза привыкнут к темноте и я начну различать хотя бы изгибы шторы. – У меня нет парня, но тоже есть брат. Так что я готова спорить, что вы старшая в семье.

– Да, он младше на десять лет.

– А для вас на целую вечность. – Я коротко улыбаюсь. – Может, нам пора перейти на “ты”? Мне кажется, мы нашли общий язык.

Я слышу мягкий выдох, который звучит как согласие.

Я же соглашаюсь подыграть ей, попробовать еще один раз. Марина сказала, что много спорила с братом, значит, она пробовала по-другому. Те же шторы она, скорее всего, держала и распахнутыми, и сдернутыми с крючков. Не помогло или вовсе сделало хуже, поэтому она больше не спорит и закрывает их первым делом. Я чувствую это в ней, смотрю на ее спокойные, чуть отстраненные жесты и вижу за ними тяжелый опыт.

Да и чего добьешься силой от мужика? Только если своих

же слез. Я уже убедилась в этом, когда попробовала диктовать свои условия. Прямо и в лоб. Пришла на его этаж, потом узнала, какие крепкие руки у его охранника, и, в конце концов, добилась лишь собственной истерики.

Силой не получится.

Эти шторы может раздвинуть только он.

Вот о какой помощи просит Марина. Сделать так, чтобы он сам потянулся к ним и позволил случиться свету в темной комнате.

– Я пойду открою. – Марина начинает хлопотать, не в силах стоять на месте больше минуты.

Она уходит к двери, и та открывается прямо перед ее лицом. Я замечаю, как в освещенном проеме мелькает крепкий высокий силуэт. Только силуэт, я не могу ничего разобрать сверх этого, потому что мужчина стоит против света. Лучи льются в мою сторону, это я сейчас как на ладони, и я чувствую кожей, что он разглядывает меня. Тягучий морок приходит и крадется по моему телу вкрадчивым шепотом, я замираю, словно через разделяющее нас расстояние можно почувствовать коктейль из силы и мужской харизмы.

Я увожу взгляд в пол и пытаюсь найти хотя бы крупинцы самообладания. Мне спокойнее в спальне, все-таки это не его этаж и здесь нет кухонного острова, на который он меня затянул. Черт... Он поэтому пришел сюда? Чтобы подальше от плохих воспоминаний? Он все-таки способен на эмпатию?

Дверь закрывается с характерным щелчком. Мы остаемся

в комнате одни, и в ней тут же расцветают все мои сомнения и страхи. Буйный цвет женской впечатлительности во всей красе.

– Я не ждала вас, – говорю, поднимая глаза.

– Пугаю? – сразу в цель. – Уйти?

– Смотря для чего пришли.

– Я разговаривал с Когом. – Мужчина неспешно проходит вглубь комнаты и останавливается у кровати.

Он смотрит на нее, словно раздумывает присесть, но вместо этого делает еще шаг ко мне. С хриплым глухим выдохом, который кажется мне почти стоном.

– Он не имел права так поступать, – он чеканит слова с холодом. – Не имел права дотрагиваться до тебя...

– Он дотронулся до меня в первый же день, когда вы приказали запереть меня здесь.

Молчит.

Делает еще шаг.

С тем же выдохом.

– Он ничего не сделает тебе, – Хозяин игнорирует мой выпад. – Никогда. За его угрозой не стоит ничего, он думал только припугнуть.

– У него получилось.

Я обнимаю себя руками, в комнате становится прохладно. Мне не хватает одеяла или моего пиджака, который я потеряла еще вчера.

– Ты плакала вчера, – эти слова даются ему сложно, почти

как шаги. – Я не хотел пугать тебя, я не понял твое состояние... У меня с этим проблемы.

– С “этим”? С общением? Воспитанием?

– Видимо, да.

Он снова разглядывает меня. Темнота не помеха ему? Хотя я тоже различаю больше деталей, в спальне нет специальных экранов, и я могу увидеть хотя бы схематичный набросок его внешности. Он массивный, как скала, широкий разлет плеч и крупные руки, в которых любая привычная вещь покажется игрушечной. У него атлетичное телосложение перевернутого треугольника и привычка останавливаться вполоборота. Он уводит правую сторону тела чуть назад. Раз за разом. Как надежно вбитый в мышцы рефлекс.

Я замечаю, что его рубашка лежит на полу. Видно, Марина выпустила из рук, когда бросилась к окнам. Я поднимаю рубашку и откуда-то беру тонну смелости, подхожу к мужчине сама и протягиваю его вещь.

– Мне кажется, это ваше. Я проснулась в ней... я не помню, кто надевал ее на меня.

Мужчина медлит, рассматривая свою рубашку в моих тонких руках. Мне и самой это кажется странным, он же в первый день грубо сказал мне, чтобы я ничего не трогала в его доме. А теперь прошла всего пара дней – и правила игры меняются на глазах.

– Я накинул на плечи, – отвечает он, – а ты сама потом надела. Ты мерзла.

Он вытягивает ткань из моих рук, жесткий край подкладки скребет по подушечкам, а сверху приходит его горячее дыхание. Хозяин делает еще шаг, чтобы было удобнее, но вдруг теряет опору и покачивается. Всего на мгновение, только внутри меня срабатывает непонятный рефлекс. Я подскакиваю к нему, давая опереться на себя, и обхватываю руками его руки над локтями.

Черт...

Это всё из-за его тяжелых выдохов. Я слышала, что шаги трудно ему даются, и поэтому подумала, что он сейчас упадет.

Я замираю, не решаясь поднять глаза на него или отодвинуться, всё так чудно и диковинно, что в моей голове нет ни одной подсказки, как надо себя вести. Но страх притупляется, я стою, почти уткнувшись носом в его широкую грудь, и ничего не боюсь. Сейчас нет. Я слишком ярко чувствую, что он сейчас контролирует себя. Он не зол и не распален неизвестными мне эмоциями, я как будто впервые вижу его в хорошем расположении духа.

Но не в хорошем здоровье.

Все-таки с ним что-то не так.

Он не опирается на меня, скрипит зубами, но по-мужски упрямо переносит вес на свои ноги и следом отодвигает корпус. Как будто боится придавить глупую малышку, которая сама бросается под стрелу, несмотря на все предупреждающие знаки.

– Я ничего не сделаю. – Он решает, что я затаилась, испугавшись его реакции. – Не трону.

Я киваю и хочу уже разжать пальцы, как угадываю то, что сбивает меня с толку. У меня вышла нервная хватка, я, не подумав, вцепилась в него так, что могла бы сделать больно, будь он обычного телосложения, а не железным монолитом. Я чувствую, что на нем такая же рубашка – правый рукав жестче и почти как панцирь. Я не могу пробиться сквозь него и ощутить его плоть, изгибы мускулов и тепло.

Мысленно прошу себя остановиться, только вместо этого поддаюсь моменту и веду пальцы выше. Пытаюсь все-таки нащупать правду под его рубашкой, она идет грубыми изгибами, и стоит надавить сильнее, как с губ мужчины слетает перекрученный выдох.

– Больно? – Я отнимаю пальцы, но не убираю их. – Что там?

Я переношу вторую руку на его правое запястье и пробую нырнуть под манжет. Хозяин реагирует молниеносно, ловит мою руку и сдерживается в последний момент. Он почти выкрутил ее, показав, что такое “больно” на самом деле.

– Вы сказали, что ничего не сделаете мне. – Я запрокидываю голову и ищу сквозь темноту главный ориентир – его глаза. – Не нужно, разожмите.

Я мягко провожу по его напряженным пальцам, которыми он смял мою ладонь. Я кручу в голове все хорошие слова Марины о нем, все моменты, которые можно схватить как

таблетку успокоительного и продолжить, у меня нет никакого плана, только ощущение потока, который подхватил меня и впервые не бьет буйным течением, а дает оглядеться по сторонам и даже попытаться найти нужный берег.

Попытаться усмирить стихию, найти к ней ключик и услышать, как разжимаются тиски замка.

Я снова глажу его пальцы, огрубевшие и с очерченными костяшками, и качаю головой, показывая, что не нужно показывать мне свою силу. Я и так чувствую его мощь, она как грозовой фон стоит в комнате и не дает мне дышать полной грудью.

– Спасибо, – выдыхаю, когда мужчина отпускает мою ладонь. – Вам лучше сесть, вы дернулись, и... вам больно.

– Я в норме.

– Нет. – Я качаю головой. – Я научилась определять по вашему дыханию. Мы же вечно разговариваем в темноте, и я стала чувствительна к звукам. Вы заостряете буквы на концах, когда вам плохо, и еще как будто царапаете выдохами. Это невозможно не услышать.

Я первой делаю шаг к кровати, а когда возвращаюсь к его лицу, безошибочно нахожу его глаза. Мне кажется, что я так отчетливо вижу его глубокий темный взгляд, в котором легко заблудиться. Такие глаза бывают только у тех, кто много пережил, я точно наивная девчонка рядом с ним. Он старше, опытнее и искушеннее меня на несколько судеб.

– Вы всегда такой упрямый? – я смягчаю тон, пробуя по-

другому. – Не умеете уступать девушкам?

Я тяну за край рубашки, которую Хозяин держит в левой руке. Еще секунда, и я согласна отпустить ее, направившись к кровати в одиночестве, но он поддается мне. Обгоняет меня широким шагом, словно хочет показать, что нет в нем ни слабостей, ни изъянов, что я напридумывала глупостей и дело в моей впечатлительности, а не в его таинственности.

Пусть так. Я не спорю и с довольной улыбкой наблюдаю, как он опускается на кровать вслед за мной. А потом я слышу, как успокаивается его дыхание: из него постепенно уходят хриплые звуки.

– Ты сможешь уехать, – бросает он, прерывая затянувшееся молчание.

– Ваша охрана проверила меня?

– Да, всё хорошо. Когда досье на человека занимает одну страницу, это всегда хороший знак.

– Оу, – вырывается помимо воли. – Вы умеете строить длинные предложения.

Я прикусываю щеки с внутренней стороны, гася дурацкую улыбку. Мужчина молчит, словно забыл, как люди реагируют на шутки, но он точно смотрит на меня.

– И когда я смогу уехать?

– Завтра.

– Почему не сегодня?

– Я не придумал.

– Что?

– Я не придумал причину. Просто завтра.

Я пропускаю выдох, запутываясь в собственных эмоциях.

Есть и злость вперемешку с разочарованием, и непонятное послевкусие... эта затаенная радость должна принадлежать Марине, я почти слышу ее счастливый возглас, что у меня есть еще день, чтобы помочь ее брату.

– Просто, – повторяю слово, которое он выбрал. – Просто приказ, который я должна выполнить.

Я поворачиваюсь к нему, рвя к черту безопасную дистанцию.

– Сколько вам лет? Вы видели мои данные, дайте мне хоть что-то.

– Тридцать восемь.

– Ваш рост?

Он усмехается.

– Метр девяносто. Вес нужен?

– Нет. Лучше цвет глаз.

– Серый. Наверное.

– Профессия?

– Редкая и прибыльная.

Я непроизвольно закусываю нижнюю губу, когда чувствую в его голосе подтрунивающую интонацию.

– Любимый цвет?

– Серьезно?

– Что у вас с правой стороной тела?

Глава 10

Мой вопрос падает в глубокий колодец. Я буквально слышу звонкое эхо с самого дна, где должен быть ответ.

– Ты испугаешься, если увидишь.

Его голос звучит грубее. Я все-таки тронула запретную тему и уже чувствую, как он начинает выставлять неприступную стену по кирпичику. Впрочем, я и не ждала, что будет легко, я только пытаюсь нащупать правильную дорожку.

– Хотела бы я сказать, что не впечатлительная, но вы видели мою истерику.

Я же, наоборот, говорю еще мягче. Он пусть царапается хозяйским тоном, а я не буду. Я завожусь, когда он пугает меня, а обычную холодность могу пережить.

И лучше всего рассказывать о себе. Марина говорила, что он не терпит, когда ему лезут в душу. Да и зачем? Там, наверное, уже многие побывали, если он решил уехать в глушь и закрыться на всевозможные замки. Да, точно... Не нужно мне давить и расспрашивать о той беде, о которой упомянула Марина, он устал от этого.

– Я решила перебраться во Владимир, – перевожу тему, пока он не закрылся на все замки. – Говорят, там красиво.

Я оставляю паузу, чтобы он тоже сказал хоть что-то, и упрямо молчу до победного.

– Ни разу не был там.

– Я тоже. – Я смеюсь, вспоминая, что мой переезд в другой город – чистая авантюра. – У меня там подруга, она тоже переводчик, она хвалила и подобрала мне недорогую квартиру. Не нужно будет платить сразу за два месяца, хозяин согласился без залога... Ой.

– Что?

– Я не знаю, о чем разговаривать с богатыми людьми. – Я поворачиваю голову и смотрю на его лицо, которое, если честно, уже представляю на свой вкус. Хозяин может оказаться совсем другим, но воображение сильнее меня. – Странно рассказывать, как сэкономила несколько тысяч, когда вы завалили тот конец комнаты, – я указываю на диван напротив, – пакетами на пару сотен тысяч.

– Там всего лишь одежда.

– Я бы лучше свой пиджак нашла, я его оставила вчера на лавочке и больше не видела. – Я поднимаюсь на ноги. – Вы завтракали? Марина принесла поднос, она никак не может поверить, что мне не сложно спуститься в столовую.

Я обхожу кровать, на ощупь нахожу поднос и осторожно перебираю посуду.

– Вы пьете какао?

– Это тоже вопрос из списка? – он усмехается.

– Нет, это формальность. Вам в любом случае достанется какао, потому что кофе я уже начала.

– Кроме напитков тебе ничего не приносят?

– Кто-то голоден? – подшучиваю, смелея. – Есть омлет и

овсянка.

Я подхожу к нему, чтобы отдать чашку, и чуть промахиваюсь, на мгновение соприкасаясь коленкой с его бедром. Легкое касание неожиданно обжигает меня, то ли из-за неожиданности, то ли... черт его знает почему. Я отступаю назад и следом чувствую, как мужчина накрывает ладонью чашку. Он едва трогает ее пальцами, проверяя температуру, и только после тянет к себе.

Странно. Никогда бы не подумала, что он будет осторожничать с кипятком.

– Он уже остыл, – подсказываю.

– Это ты к чему? – его голос вновь натягивается как струна.

– Что... Ни к чему, просто.

– Марина что-то говорила обо мне?

– Только то, что вы ее младший брат.

Я отпускаю ручку чашки, оставляя ее в ладонях Хозяина. Насчет Марины я боюсь сболтнуть лишнего, чтобы ей не досталось от резкого характера брата, я возвращаюсь к кофе и затихаю на пару минут. С ним по-другому никак, это не разговор, а минное поле. Мне точно придется повесить красные флажки на опасные темы.

– У меня тоже есть младший брат. Его зовут Кирилл, он перебрался в Москву в прошлом году. Бросил институт из-за мотогонок, нашел спонсора для выступлений и, мне кажется, чаще ночует в гаражах, чем дома.

– Замолчи.

...

...

Мои мысли даже не формулируются в слова из-за шока. Я застываю на месте с поднесенной к губам чашкой и пытаюсь убедить себя, что ослышалась. Но эхо короткого грубого слова стоит между нами, как вспышка той самой разорвавшейся мины, на которую я все-таки набрела и не осознала, как именно.

– Не надо со мной как с идиотом, – роняет Хозяин. – Не надо ни жалости, ни этой бредовой психологии для прокаженных.

Он рывком поднимается на ноги, а я инстинктивно пячусь от него.

– Что ты хотела увидеть? – Он отшвыривает чашку в сторону и выдыхает с разочарованием. – Что еще придумала Марина?

Хозяин что-то цедит со злостью, я едва разбираю, но, кажется, он повторяет слово “мотогонки” и добавляет мата. Он дергает правый рукав рубашки и отрывает пуговицу, ослабляя манжет. Потом подхватывает мою ладонь и с силой наталкивает на свою плоть.

Боже... На нем нет живого места.

– Полегчало? – спрашивает он, опалая воздух, которым я дышу. – Или нужно раздеться и показать всё? А потом что? Скажешь, что пустяк?

Я мотаю головой.

– Что, круче татуировок? – он издевается, поймав большой раж.

– Скажу, что вы продержались пятнадцать минут. Целых пятнадцать минут мне не было страшно наедине с вами.

Я выхожу из спальни, оставляя Хозяина наедине с собой. Он может думать что угодно, это он завелся из-за какого-то неосторожного слова, а я не имела в виду никакой потайной смысл. Марина слова мне лишнего не сказала, зря он решил, что я знаю больше положенного, его сестра удивительно честный и порядочный человек. Она пообещала ему молчать и будет мучиться, но ничего не расскажет.

А что говорить ей? В плюс или в минус записать последнюю встречу с ее братом?

Я спускаюсь на первый этаж и первым делом поворачиваю в ванную комнату. Привожу себя в порядок: мысли – холодной водой, а тело – теплой. Хотя выбросить из головы последние фразы, которые звучали в черной комнате, не так просто. А труднее всего отрешиться от его прикосновения. От того, что скрывается под плотной рубашкой со специальной подкладкой.

Он пережил что-то страшное. Это не просто шрам или... черт, я даже не знаю, с чем сравнить. У меня нет маяков, я каждый момент знакомлюсь с чем-то невозможным и диковинным в этом доме. Как новый мир или отдельная реальность, в нее погружаешься, как в кроличью нору, и только и

надеешься, что если это сказка, то она должна быть со счастливым концом.

– Ты же справишься? – спрашиваю свое отражение, завязывая высокий хвост. – Хотя ты уже совершила главную ошибку и привязалась к Марине. Так держать.

Сарказм не помогает.

Я иду в столовую, где Марина разговаривает с врачом. Тот бросает на меня внимательный взгляд, как короткий осмотр проводит, и, кажется, ждет недобрых слов.

– Не помешала? – спрашиваю у Марины, останавливаясь на пороге.

– Нет. – Она качает головой и мягко проводит по локтю доктора, прося того чуть подождать. – Всё плохо, да?

– Почему ты так решила?

– Ты не переделалась, – замечает Марина, делая шаг в сторону высокого шкафа. – Наверное, и не поела толком.

– Да, мне пришлось уйти. Но всё не так ужасно, я успела прошмыгнуть до бури.

Улыбаюсь, чтобы Марина не беспокоилась. Она достает из шкафа несколько футболок и спортивных костюмов, черных, мужских, и недолго перебирает их, ища самый маленький размер.

– Твой пиджак я забрала с улицы. Ночью был дождь, так что я отнесла его в стирку. Вечером принесу.

Я уже не спорю, она такой человек – привыкла заботиться о других, о доме и, кажется, специально нагружает себя

делами, чтобы поменьше думать о плохом.

– Спасибо, – произношу, когда Марина протягивает мне комплект. – Я переоденусь и помогу тебе на кухне, хорошо?

Марина кивает. Тогда я оставляю ее с врачом, с которым она явно не договорила, и возвращаюсь в ванную на пару минут. Одежда, конечно, оказывается велика, но она чистая и из приятной мягкой ткани. Наверное, держат для охраны. В доме много мужчин, я вчера заметила и отдельный домик, напоминающий пост, и пару новых лиц.

Я закатываю рукава, сшитые не для обладательниц скромного роста, и выхожу в холл. Точно под нос тому, кому этот костюм пришелся бы впору.

– Черт, – цедит Ког, замечая меня. – Я сейчас уйду, не паникуй.

Он держит слово и тут же разворачивается к другой двери, а я замечаю ссадину на его правой щеке. Свежую и чертовски паршиво выглядящую.

– Хотя нет. – Он резко ловит шаг и оборачивается ко мне с шумным выдохом. – Я перегнул, признаю. Я не думал, что у тебя будет истерика.

Ох.

– С девушками такое случается, когда их пугает огромный мужик.

– Да, я забыл. – Он с трудом гасит усмешку, которая рвется из него. – Ладно, проехали... У меня вообще другой текст заготовлен. Я прошу прощения и клянусь, что пальцем тебя

не трону.

– Кто писал текст?

– Марина с утра мозги промыла.

– Ударила тоже она? – Я указываю подбородком на его щеку, по которой точно проехался мужской кулак.

– Нет, это я упал.

Он проводит ладонью по легкой куртке, вспомнив о чем-то, и переступает с ноги на ногу. Словно хотел сделать шаг ко мне, но в последний момент передумал.

– У меня твой телефон, сказали вернуть.

Ког вытаскивает сотовый из кармана и зависает на месте. Его холодный взгляд проходит по моим ладоням, но потом он отворачивается к столику у окна.

– Я сюда положу, а то опять занервничаешь.

– Ког, не передергивай.

– А я зол, Александра, уж оставь мне такую мелочь. Меня наняли защищать его, а не за трепетными барышнями ухаживать. Которые к тому же любопытные не по рангу.

Он бросает мой телефон на столик и постукивает костяшками по стеклянной плоскости.

– Но это лирика, – добавляет Ког. – Меня уже здесь нет. Прощения попросил, телефон отдал – можно ехать.

– Тебя отсылают?

– Увольняют.

Он подмигивает мне на прощание, уже не сдерживая усмешку, и поворачивает к двери.

– Тебе идет, кстати, – замечает Ког на пороге, намекая на мой спортивный костюм. – Попроси еще оружие выдать, и тогда можно всю охрану отослать к черту. Вы с Мариной отлично справитесь.

Глава 11

Ког уходит, а я кручу в ладони телефон, который неожиданно вернулся ко мне. Так просто... Я как раз собиралась заговорить о нем, чтобы сделать звонок брату. И сеть ловит, всё те же две полоски оператора, но есть же.

Я решаю не откладывать звонки и набираю брата, который тут же отвечает и звучит взволнованно. Я переоценила его пофигизм, он, оказывается, уже отпросился с базы и собрался выезжать в сторону Владимира.

Брат шипит на меня, когда я наспех придумываю легенду с севшей батареейкой и ночевкой у подруги, которую он не знает. Но он верит мне, что неудивительно, я никогда не попадала в плохие истории, я тот человек, с которым вообще ничего не происходит. Потом я звоню подруге и говорю, что немного задержусь. Что обязательно напишу завтра и мы решим, когда я поеду на встречу с хозяином квартиры.

– Врач ушел, – сообщает Марина, когда замечает меня на пороге кухни.

– Ког тоже. Он сказал, что его уволили.

– Ничего страшного, не пропадет. С его послужным списком он без работы не останется.

– А Хозяин?

– Что Хозяин?

– Ему нужна охрана? Ког дал понять, что одними женщи-

нами в доме не обойдешься.

– Ког человек военный и зацикленный на безопасности, – Марина отмахивается, переключая внимание на список, написанный от руки. – Тут и так уже не дом, а крепость. Я чаще слышу, как шипит рация, чем как кто-то смеется.

– Марина, подожди.

Я подхожу к ней вплотную и ловлю за ладонь, отодвигая листок в сторону.

– Я редко задаю прямые вопросы, я понимаю, что ты связана словом, которое дала брату. Но я уже здесь, я действительно хочу помочь, не обещаю, что у меня получится или что задержусь здесь. Это зависит не только от меня, он иногда так ведет себя, что хочется бежать. Но я обещаю, что никому не сболтну лишнего. Мне только надо понимать хоть что-то, иначе я слепа во всех смыслах. Его внешность в темноте, его прошлое тоже... Мне не за что зацепиться.

Я смотрю Марине в глаза и почему-то думаю, что у Хозяина могут быть такие же. Они родные брат и сестра, в их внешности в любом случае есть пересечения. В каком-то смысле лицо Марины как подсказка.

– Ему нужна охрана? – спрашиваю. – По-настоящему?

– Год назад была нужна, сейчас... не знаю, я правда не знаю.

– Беда с твоим братом случилась год назад?

Марина прикрывает глаза, но через мгновение делает над собой усилие и кивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.